

20.04.01
ЭТО произошло в День Советской Армии 23 февраля 1988 года. Театр Дружбы народов представил тогда на суд москвичей спектакль Драматического театра из Петропавловска-на-Камчатке под названием «Нужна драматическая актриса». На афише было указано: «Сюжет разыгран персонажами известной пьесы Александра Николаевича Островского. Режиссер-постановщик — Юрий Погребничко».

Еще до начала представления из списка действующих лиц без особого труда можно было догадаться, что речь пойдет о «Лесе». Да и текст, который стали затем произносить актеры, принадлежал великому русскому драматургу.

Но, кроме текста, в спектакле были еще музыка, мизансцены, манеры, но какое все это имело отношение к стилистике автора? При чем тут песни Владимира Высоцкого? Откуда у помещицы Гурмыжской повадки мадам Исидиас из «Интервенции» и такой же знойный южный акцент? И почему купец Восмибратов то и дело тычет ей рукой в грудь, в спину? А если уж в особый раж войдет, то может и по мягкому месту шлепнуть: своя баба в доску. Ну а когда Несчастливцев пристыдит мошенника за то, что тот хотел обобрать Раису Павловну, оскорбленный Восмибратов... разденется до плавок (хорошо еще, что только до плавок!).

Учитывая, что день выдался особенный, праздничный, большую часть зала составляли солдаты срочной службы. Правда, были и школьники старших классов. И те, и другие от этого зрелища пришли в одина-

ОСТРОВСКИЙ. ЧЕХОВ. КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

Сов. культура. - 1991. - 25 июня. - С. 10.

Странные фантазии в Театре на Красной Пресне

ковый жеребчий восторг, чего нельзя сказать об учительнице. В нервном возбуждении она с пристрастием допытывалась у меня как у ближайшего соседа, кто позволил так вольно обращаться с классикой?

Каково же было удивление, когда какое-то время спустя я узнал, что этот «бесценный» спектакль бережно перенесен в репертуар московского Молодежного театра на Красной Пресне, которым прежде руководил Вячеслав Спесивцев. Мало того, ЦТ сочло его достойным внимания многомиллионной аудитории (заметьте — в докравченковскую эпоху, когда никто еще никого не бойкотировал). Всякий театр за честь почел бы такое предложение.

И вот недавно, не без опаски, отправился я на улицу Станкевича на премьеру «Трех сестер» Чехова, поставленных Юрием Погребничко. Меня предупреждали, что спектакль новаторский: в нем очень заметна рука режиссера. Но через какое-то время, если не вредничать, не придираться и немного расслабиться, можно испытать огромное удовлетворение от свободного полета мысли постановщика, его смелости и самостоятельности.

Видит Бог, я старался изо

всех сил. Но, увы, ничего хорошего из моих стараний не произошло. И произойти не могло. И все по той же причине, что и в первый раз, когда я смотрел фантазии Юрия Погребничко на темы «Леса» А. Н. Островского.

Правда, музыкальные моменты в «Трех сестрах» были свои: звучали революционные марши, белогвардейский фольклор, русские народные песни и даже современные французские шансоны. С таким же успехом сюда можно было бы ввести «Купите бублички!», джазовые импровизации на темы Гершвина или, напротив, «Реквием» Верди.

Помимо музыкальных вставок, режиссер с помощью радио включает в ткань спектакля цитаты из мхатовских «Трех сестер». То ли для сравнения, то ли для усиления впечатления...

Вместо трех в спектакле оказались... четыре сестры, ибо Наташа ни в чем не отличается от Ольги, Маши, Ирины. А точнее, они ничем не отличаются от невестки. Так же вульгарны, плохо воспитаны, а главное — абсолютно неинтеллигентны. Тотальная, вызывающая неинтеллигентность — лейтмотив «Трех сестер» Юрия Погребничко. Она проявляется во всем: в неумении слушать собеседника, немислимых туалетах (кимоно носит не только Маша, но и Андрей), невероятной агрессивности всех против всех — от Анфисы (она зачем-то сни-

мает крем с торта и мажет им лицо бедному Ферапонту) до Маши, которая кричит на Анфису точь-в-точь, как Наташа.

Правда, и Анфиса здесь не благородная восьмидесятилетняя нянька, а современная наглая молодая плутовка, смахивающая скорее на бомжа. Таковую и в дом-то пускать опасно. И не только в прозоровский. Получается, права Наташа, когда гонит ее прочь, обзывая воровкой.

Тузенбах почему-то несколько раз собирается в лучший мир, укладываясь в сапогах и шинели на стол со сложенными на груди руками. Потом эту же «удачную режиссерскую находку» повторяют и другие.

Нельзя сказать, чтобы зрелище это лишено было всякого смысла. Режиссер и исполнители стремятся доказать, что все герои Чехова одинаково отвратительны, эгоистичны, полны каких-то несбыточных иллюзий. Впрочем, они достаточно прагматичны. Поэтому все наши дни создать театр — раз плюнуть. Было бы желание!

Театр на Красной Пресне, если мне не изменяет память, возник лет 20 назад как детский драмкружок в Текстильщиках. Благодаря стараниям влиятельных спонсоров об этом коллективе появилось такое множество восторженных публикаций, какие и не снились молодому Художественному театру. Да если бы в какой-нибудь одной, отдель-

но взятой газете. А то ведь все сподобились — от вечно отчаянного «Московского комсомольца» до осторожной тогда ко всему новому «Правды». Никакой поляризации мнений — всеобщий вопль!

В результате усиленной «артподготовки» театр перебрался из отдаленной окраины в самый центр Москвы, получил премию, был принят на баланс комсомола, участвовал во всевозможных фестивалях, превратился в курс театрального вуза. Но все это только до той поры, пока во главе не стоял Вячеслав Спесивцев. Что уж там вышло, точно не знаю. Но в один прекрасный день карточный домик развалился, не помогли никакие усилия спонсоров. Спесивцева тогда «перебросили» на укрепление в Театр киноактера, где он не задержался, а в Молодежном на Красной Пресне наступили трудные времена.

И тут-то выяснилось, что закрыть театр, даже если он никому не нужен, куда сложнее, чем открыть. На защиту сейчас же грудью встанут профсоюз, СТД, общество охраны памятников и другие, не ме-

нее уважаемые организации. Правда, Театр на Красной Пресне теперь перешел на попечение к Главному управлению культуры Моссовета. Но в конце-то концов, какая разница, кого доить, лишь бы было молоко.

Человечески все понять можно: куда девать людей? Ведь мы действительно ответственные перед тем, коголируем. Но с другой стороны, кто подумает о зрителях, не говоря уже о достоинстве искусства?

Многие без устали повторяют: необходимо увеличить ассигнования на нужды культуры. Странно было бы оспаривать такое мнение. Но согласитесь, ни одна самая процветающая страна не станет выбрасывать деньги на ветер.

Во Франции, к примеру, есть «Гранд-опера», «Комеди Франсез» плюс еще семь театров, которые официально объявлены национальным достоянием страны. Их берегут, содержат и пестуют независимо от того, как они выглядят и чувствуют себя в данный момент. Остальные же пользуются субсидиями из муниципального бюджета, из всевозможных частных фондов.

Аналогичные примеры можно привести из культурной жизни любой цивилизованной страны. Но чтобы государство взяло на себя обязанность содержать все театры и музеи, это, извините,

то же самое, что содержать безразмерную непрофессиональную армию.

У нас тоже есть свои национальные театры. И в Москве, и в Ленинграде, и в каждой республике. (В понятие «национальный» в данном случае я вкладываю не только язык, на котором говорят актеры, но прежде всего их безусловные заслуги в деле становления и развития национальной культуры. Театры эти — своеобразные раритеты, гордость народа). Правда, если они последуют примеру некоторых и начнут делиться, как это сделал МХАТ, никакая казна не выдержит. Ведь дотация двум театрам, естественно, суммарно тут же увеличилась в два раза.

Если мы и дальше станем просить денег у государства для всех театров, раз все они были национализированы в августе 1919 года росчерком пера, вряд ли из этой затеи что-нибудь получится. Театры, как и любые другие учреждения, могут создаваться, если в них есть нужда. И существовать до тех пор, пока она сохраняется. А затем в этом же или в соседнем здании должны появляться новые коллективы: не надо изобретать велосипед! Тем более требовать помощи для удовлетворения чьих бы то ни было амбиций.

Театр — не богадельня и не собор.

Он постоянно требует жертв не только от зрителей. Иначе следом за Островским и Чеховым в прожорливую гигантскую топку полетит мировая культура — от античности до наших дней.

Б. ПОЮРОВСКИЙ.

Погребничко